

Леонид Герзон

ФАНТАЗИИ

18+

Леонид Герзон

Фантазии. 18+

«Издательские решения»

Герзон Л.

Фантазии. 18+ / Л. Герзон — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934166-2

Жил миллионер, а жена у него была нищенка. Утром он выходил из своего особняка с колоннами и садился в «мерседес», чтобы ехать на работу в свой офис. Но перед тем, как сесть в «мерседес», он никогда не забывал поцеловать жену, которая работала прямо возле особняка с колоннами. Она сидела возле его ворот и просила милостыню у проходящих мимо прохожих.

ISBN 978-5-44-934166-2

© Герзон Л.
© Издательские решения

Содержание

ФАНТАЗИИ	6
Волшебная книга	6
О том, как от нас отделился виртуальный мир	8
Фантазеры	13
Зимой	19
Евгений Печорин	24
Часть первая	24
Часть вторая	27
Кавказ	27
Классики	32
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Фантазии 18+

Леонид Герзон

© Леонид Герзон, 2018

ISBN 978-5-4493-4166-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сочинения человека, полностью утратившего связь с реальностью

ФАНТАЗИИ

Литературные критики – это вши, которые ползают по обнаженному телу литературы.

Эрнест Хемингуэй

Волшебная книга

Недавно с нами произошло чудо. Я читал книгу, которую подобрал вчера на улице, и вокруг меня стали сыпаться звезды. Я дал книжку Вовке и Маше, и им тоже казалось, что сверху сыплются звезды. А когда читала Машка, я видел, как с неба медленно падают овощи: огурцы, помидоры, кабачки и дыни. Вовка утверждал, что когда читает Маша, то падают большие серебряные монеты. Мы постояли так минут десять, пока читала Маша, и Вовка вдруг встал на четвереньки и принялся собирать с пола овощи. Я не пытался его остановить, мне было только ужасно смешно, и я так хохотал, что Маша бросила чтение. Она внимательно посмотрела мне в лицо и сказала, что у меня изо рта вылетают маленькие красные жучки, которые держат в лапках золотые веточки. Я тогда тоже стал приглядываться к Маше и заметил, что юбка ее неестественно высоко и широко раздулась, как не бывает даже от ветра, которого, кстати говоря, не было. Мне было стыдно сказать об этом Маше, но она проследила взглядом за моими глазами и вдруг села на корточки, обхватив колени руками. У нее покраснели щеки, а что случилось – понять я не мог.

Наклонившись и поднеся край Машиной юбки к глазам, я заметил на ней множество маленьких звездчатых дырочек, через которые струился огуречно-зеленый мягкий свет, сразу же окутавший мою голову, и все вокруг погрузилось в мокрый прозрачный туман. Туман был повсюду, и чем гуще он становился, тем прозрачнее делались все близкие и далекие препятствия и тем яснее видели мы близь и даль. В последнее, самое отчетливое мгновение у Маши под ногами забил мощный фонтан золота. Она подскочила метра на три вверх, как на вулкане.

Через несколько минут Маша уже отчаянно хохотала, стоя на огромной куче золотых денег и расшвыривая их ногой, а Вовка разбежался и нырнул туда головой; он втыкался и дрыгал ногами, пока общими усилиями его не вытаскивали оттуда, но он вырывался и выныривал часто в самых неожиданных местах.

Так мы сидели все втроем на лавочке, причем мы с Машей читали из чудесной книги и мимо нас сверху сыпались звезды, а Вовка изо всех сил рассматривал Машины руки, держащие книгу. От Вовки ледяной пар валил во все стороны и веяло отчаянным холодом. Вскоре кто-то ударил нас троих широкой доской по голове, и все мы потеряли сознание, и черная тьма заволочла все над нами и вокруг.

Когда мы очнулись, чудесная книга бесследно исчезла, и больше мы о ней никогда не вспоминали. Сколько мы ни напрягали память – никак не могли вспомнить ни единого слова из того, что прочитали, а прочитали мы много, особенно Маша, которая читала вслух и дошла до конца.

Но вчера ее в постели поразило загадочное свечение, а через три дня одеяло утром взлетело от нее и намертво прилипло к потолку. Наконец по прошествии двух недель я снова нашел эту книгу, и мы несказанно обрадовались, так как снова были в этот день вместе. Брать ее в руки было смешно, потому что она сразу же превращалась в какой-то прозрачный дом с колоннами – настолько невесомый и подвижный, что сквозь него свободно проходили руки и было до щекотки хохотливо, так что мы хохотали как сумасшедшие.

Теперь, когда всем нам уже далеко за семьдесят, а некоторых даже нет в живых, мы вспоминаем с сожалением о тех замечательных, но кратких мгновениях, от которых нам стало смешно на всю жизнь. Но изредка на нас нападает ужасная тоска, когда становится совершенно-отчетливо ясно: мы не поняли этой книги, проворонили ее смысл, не попали туда, куда надо было попасть, а попали пальцем в небо, и все мы смешные балбесы, – и от этой мысли снова становится ужасно смешно, и мы валимся на пол и стонем от смеха, дрожа от ужаса, сцепившись друг с другом немеющими конечностями и тряся седобрыльными головами.

О том, как от нас отделился виртуальный мир

Теперь даже уже никто и не помнит о том времени, когда у нас в городе впервые произошло это чудо, да и вообще все то время летающих людей прошло так быстро и так скоро забылось, словно и не было ничего. Боже мой, а ведь как все это было замечательно!

И теперь я, один из немногих некибернетизированных людей, хочу записать все то, что было тогда, сохранить на бумаге, потому что мне кажется, что и из моей головы память о том времени вот-вот улетучится, испарится, и уже сейчас мне иногда мерещится, что все это было сном или фантастическим кинофильмом – господи, какое смешное, старинное, старинное слово – ки-но-фильм – и как нелепо звучит оно сейчас, в эру кибернетизации!

К тому времени, как у нас в городе появился первый летающий человек, все, конечно, давно уже видели рекламу, но как-то не верилось, что это так запросто войдет в жизнь нашего захолустья. Сначала появились представители фирмы сотовой связи – парень и девушка с едва заметными мобильными телефончиками, прицепленными к ярко-малиновым рекламным рубашкам, и в прозрачных силиконовых перчатках. Рекламная стойка, возле которой все это происходило, висела в воздухе, ни к чему не привязанная, в полуметре от тротуара. Парень с девушкой легко поднимались в воздух, плавно и совершенно бесшумно скользили над улицей, над головами прохожих, разворачивались на углу возле будки с мороженым и летели обратно. Пробовать давали всем желающим. Стоила эта штука дорого только поначалу, но брали по кредитной карте на пять лет. Через несколько дней люди нашего города летали.

Как спокойно воспринял это новшество народ, как естественно оно было и как просто! Направление полета задавалось пальцами. Телефон нужно было всегда держать при себе, через сотовую связь считывались координаты, команды пользователя и т. д. Казалось, это единственное творение мира технологий, которое принесло людям подлинную радость. Я с грустью вспомнил тогда о несчастных утопистах, которые пытались осчастливить человека путем создания «совершенного» общества. Это было совсем не то, что нужно людям. Им нужно было просто летать! Я слышал, что когда человек влюбляется, то ему кажется, что он летает. Может быть. Я никогда не испытывал этого чувства. Зато я летал по-настоящему! Любить по-настоящему способны немногие. Но летать с помощью сотовой связи, как сказано в рекламе, может каждый! Мне запомнился еще один рекламный лозунг: «Рожденный ползать – летать может!»

Что это было за время! Как раз началась весна, казалось, в этом году цветут все деревья, которые не цвели уже много лет. Запах рынка – овощей и мясных лавок главной улицы города смешивался с запахами цветов, смех цветущих девчонок – с ревом отходящих от остановок автобусов, которые обдавали весенние цветы клубами черного солярочного дыма. С высоты птичьего полета город выглядел шумной разноцветной клумбой, на которой непрестанно кипела какая-то муравьиная работа, а если подняться еще выше, откуда верхушки деревьев и крыши домов сливаются в одно сплошное серо-желто-зелено-оранжевое месиво, то казалось, будто город – это кастрюля с супом, с которой сняли крышку и к небу идет пар.

Я был тогда студентом, денег не имел совсем, но тут же подписался на пять лет. Поначалу люди даже стеснялись летать. Это просто шокировало публику, если вдруг под вечер от массы людей, двуного ползущей под скрадывающими своим оранжевыми светом грязь фонарями, отделился человек и, словно большая бескрылая птица, загораживал кусок неба, поднимаясь в воздух.

Сначала все только резвились, гонялись друг за другом. Любовники целовались в воздухе. Приземлялись на крыши автобусов, заглядывали в окна домов. Потом вошли во вкус. Чего стоило одно только летающее кафе с летающими блюдами, тарелками, стаканами и прочим. Блюда и напитки, запрограммированные, сами подлетали к клиенту. Музыканты ошалело

вертелись в воздухе, трубачей заставляли играть на лету, как ангелочков. Как-то раз утром, по дороге на работу, я увидел в небе над городом коров. Один тип из деревни перегонял их таким способом к своему брату с помощью сотовой связи вместо того, чтобы тащиться на грузовике через весь город. Но его задержала полиция, а коров всех отловили, после того как они весьма невежливо бомбардировали прохожих на одной из центральных площадей.

Лето в нашем городе жаркое, субтропическое, и очень скоро все поняли, что для летящего по небу человека (так же как для плывущего в воде) самая лучшая одежда – купальный костюм. В сумках и портфелях не было теперь нужды – все необходимое следовало за хозяином в летающем бардачке.

Майскими вечерами молодежь слеталась к центру города. Над улицами и площадями словно ласточки летали девушки в купальниках. Вновь появилась мода на забытый боди-арт. Постепенно купальники отпали, и девицы летали в весеннем небе с нарисованными узорами, и еще привязывали к рукам и ногам длинные цветные ленты, которые мельтешили и вились по воздуху вслед за этими раскрашенными летуньями. Вечерами летающий народ стал украшать себя светящимися узорами по телу и фонарными браслетами на руках и ногах. Деревья в институтском парке, облепленные студентами, стали напоминать светящиеся новогодние елки.

Но уже очень скоро людям стало чего-то не хватать в этом свободном полете. Уж слишком он был свободным, или ошиблись в рекламе с «рожденным ползать», а может, все уже так привыкли к быстрым переменам, что постоянно ждали чего-то нового, еще переворотов и революций. Новая революция не заставила себя долго ждать. Но об этом чуть позже.

К осени у людей начисто отпало желание летать. Небо опустело. Как раз в это время, в последние дни бабьего лета, со мной, до тех пор ни разу никого не любившим, произошло любовное приключение, правда, длилось оно всего один день. Мне уже к тому времени тоже порядком надоело летать, да и вообще перемещаться, я просто сидел в лесу, который начинается сразу за нашим институтом, и читал Гамсуна. Я даже пришел в этот лес пешком, как это делали герои Гамсуна, а не прилетел «по сотке», подобно современным балбесам.

Этот роман начался совершенно неожиданно – и так же, как впоследствии будет ясно, неожиданно закончился. На летящую в небе девушку напал орел. Орлы в наших местах не редкость, сам город раскинулся на холмах и спускается к морю; выше, за городом, начинаются уже настоящие горы. Орлы, как известно, особенно злые бывают к осени, когда корма становится мало и подросших птенцов пора выгонять из гнезда, чтобы они начинали самостоятельную жизнь. Девушка была приезжей, в нашем городе у нее жила бабушка. Ее звали, как я потом узнал, Элиз. Она любила одиночество так же, как и я, и, вылетев из дома, блуждала в небе над крышами домов. Потом ветер убаюкал ее, и она уснула, покачиваясь в теплом воздухе, как на морских волнах. Элиз отнесло к моему лесу. Когда она пролетала неподалеку от того места, где на пеньке примостился я, углубленный в чтение «Мистерий», на нее внезапно с высоты спикировал орел и вцепился когтями в волосы. Элиз повезло, что на голове у нее был пышный пучок волос, иначе орлу ничего не стоило бы проломить своим крепким клювом ее череп, и тогда – прощай, Элиз, любовь моя, мы с тобой никогда бы не встретились. Но орел запутался клювом и когтями в длинных волосах девушки, и я услышал его грозный клекот и отчаянный крик Элиз. Такие случаи и раньше бывали у нас. Я уже знал, что делать. Заложив страницу кусочком коры, я положил Гамсуна на камень, схватил первую попавшуюся дубину и взмыл вверх. Поскольку орел крепко запутался в волосах Элиз, я здорово успел обломать ему бока своей крепкой дубинкой, так что он, как говорится, едва ноги унес – в прямом смысле этого слова. Отцепившись наконец от волос Элиз, орел свалился на землю и пополз, еле-еле перебирая лапами, по сосновой хвое к себе в гнездо. Конечно, я никогда не стал бы так бить птицу, не опасайся я за жизнь молодой девушки.

Мы спустились с ней к подножию сосен, и Элиз как смогла привела себя в порядок. В общем-то, орел не успел причинить ей никакого вреда, хотя со стороны эта битва выглядела устрашающе. Элиз была мне так благодарна, что поцеловала меня в щеку, а когда еще раз вспомнила страшного орла, то нежно обняла и поцеловала меня еще раз, а потом еще один раз в губы. Я вынул у нее из волос коричневое орлиное перо.

Так мы познакомились. Элиз была бойкая столичная девчонка. А я небритый, не модно одетый провинциал. До этого меня никто никогда не целовал, кроме мамы. От поцелуя Элиз у меня закружилась голова. Я понял, что больше не хочу летать. Я хочу только, чтобы меня целовала Элиз. «Какой ты смешной, – сказала она. – Ты что, никогда не целовался? Ты что изучаешь? Физику? Тебе надо было изучать биологию, это гораздо интереснее. Ты знаешь, для чего целуются?» И прочую такую ерунду болтала она мне, пока я, задыхаясь, обнимал ее.

Было тепло, темнота у нас на юге спускается быстро, особенно в лесу в горах, с восточной стороны. В сентябре вечером в темноте в лесу всегда очень тепло и тихо. Мы обнялись и легли на мягкую хвою, по которой недавно убежал, прихрамывая, побежденный и наказанный за свою наглость орел.

– Расскажи мне, что ты тут читал, – попросила Элиз, и я стал рассказывать ей про Нагеля.

– Жаль, что темно и я не могу тебе прочитать, – сказал я.

Но я хорошо помнил книгу, я перечитывал ее уже до этого несколько раз.

– Ты похож на Нагеля? – спросила Элиз.

– Наверно, я хотел бы быть на него похожим, но вообще-то, если честно, то я не похож. Хотя и люблю бродить по лесам, как он.

– Это Гамсун любит, а не Нагель, – сказала Элиз.

Может, и так. Мне страшно захотелось дотронуться до ее груди.

– Ты все-таки похож на Нагеля, похож, – смеясь, сказала она. – Ты такой же наглый, как он, – пыхла она, борясь со мной и заламывая мои наглые руки мне за спину. – Подожди, что скажу, – вдруг воскликнула она, и я от неожиданности отпрянул назад, а она оттолкнула меня так, что я повалился на хвою.

Элиз вскочила на ноги и метнулась за дерево. В темноте я никак не мог разглядеть ее. Я встал, пошел вперед и наткнулся лбом на дерево. Еще чуть-чуть – и налетел бы глазом на обломанную сосновую ветку.

– Стой! – сказала Элиз за моей спиной. – Ты разобьешь себе голову. Повернись.

Я бросился на голос и поймал ее. Она не вырывалась и дала себя обнять. Она была голая. Я прижал ее к себе. Небо было совершенно черное. Затянутое непроницаемыми для света низкими облаками. Две высокие скалы отделяли это место от города, и свет фонарей не мог осветить облаков над нами.

Я ни разу в своей жизни не прикасался к голой женщине. В непроницаемой темноте я закрыл глаза, мне показалось, что все лесистые горы, весь наш город и все облака положены в маленькую деревянную коробочку и в этой коробке стиснуты вместе с ними и мы с Элиз. Мне много еще что показалось в ту секунду, когда я прижался к голой Элиз. Тогда я мог бы написать об этом множество книг. Еще я решил, что никогда больше не буду летать «по сотке».

* * *

– Я отказываюсь от сотовой связи, – сказала Элиз, – ради тебя.

Она положила телефон на камешек и ударила его другим камнем по экрану.

Но я отвлекся. Вернусь к событиям, происходившим той осенью в нашем городе. Как я уже говорил, к осени у людей начисто отпало желание летать. Небо опустело. А тут еще подвернулась кибернетизация. Началось с таких мелочей, как чтение электронной почты прямо мозгом, потом разговоры по телефону тоже мозгом, потом вообще все разговоры мысленно, через сотовую связь. Так дошло до забытой и появившейся вновь виртуальной реальности – и пошло-поехало. Тело человека уже вообще ничего не значило. Какие там полеты – люди забыли и то,

к чему привыкли за последние миллион-два лет своего существования. Даже любовь – поцелуи и объятия стали виртуальными, совершенными, абсолютно свободными и абсолютно доступными.

И все это развивалось стремительно. И все вызывало эйфорию. Каждый месяц – новое открытие и новая эйфория. Какие там полеты: не то что в небе – на улицах не осталось людей! Одни старики, да и тех информационные компании приобщили потом к кибернетизации, пообещав вечную жизнь. Многие уже тогда согласны были расстаться с ненужным телом и переместиться в компьютер.

Конечно, некоторые были против всего этого. Но разве можно остановить прогресс? Экономика задавила нас – противников кибернетизации. А потом для каждого типа людей у них нашлась подходящая реклама и подходящая программа поэтапного приобщения к виртуальности. Кого бессмертием взяли. Кого – доступностью любви, кого – беспредельными возможностями путешествовать... Главное – что назад дороги нет; если у тебя в голове уже понапишаны микросхемы, а вместо зрительной коры мозга – искусственная кора, позволяющая видеть в четырех- или пятимерном пространстве, да еще и вместо трех основных цветов – семь, то куда уж назад...

И странно, и страшно было нам, отказавшимся от всего этого, наблюдать, как человеческие качества начисто пропадают у кибернетизированных людей. Как-то встретила мне молодая девушка со встроенным в мозг виртуальным реализатором. Она шла прямо по проезжей части, абсолютно голая, потом споткнулась и упала в лужу, в которой и осталась лежать, пока на нее чуть не наехал автобус. Потом приехала полиция. А она все улыбалась, зажмурив глаза, и махала кому-то руками. Даже наркоманы, наводнившие наш город несколько лет назад, когда изобрели ЛСД++, так себя не вели. Наверное, она уже совсем ничего не чувствовала своим телом. Нередко такие погибали. Их обычно виртуализировали – полностью переводили в компьютер.

Только тупые и упрямые ослы, как я, у которых нет никакой логики, а весь мозг состоит из одного реле, заклинившего в положении «нет, да и всё тут» (так и заявил мне в сердцах один дистрибьютер), – только такие остались некибернетизированными дикарями.

– Вас нужно в виртуальный зоопарк поместить, – сказал мне этот тип из киберрекламы.

Впрочем, в какой-то момент все эти агенты оставили нас в покое, потому что сами практически полностью виртуализовались. Общение между электронными существами и примитивными, некибернетизированными людьми стало в конце концов абсолютно невозможным. Так же, как невозможно общение людей с обезьянами. Электронный мир совершенно отделился от нашего, опустевшего мира. А тех, кто полностью переселился в компьютер, стали называть «виртуальными людьми». Они, по слухам, там безудержно занимались виртуальной любовью и размножались, как кролики, так что виртуальное население земли достигло нескольких сотен миллиардов «виртуаликов», как мы их называли. В общем, теперь мы мало ими интересовались.

Мы, дикие, устаревшие люди, толком не представляли себе, как живет этот электронный мир и что в нем происходит. Только приходили иногда в огромные залы, напичканные силиконом, – такой зал вмещал в себя несколько десятков миллионов виртуальных существ. В нашем городе было два таких зала. Я подходил иногда к одному из немногочисленных экранов, через которые мы, обычные люди, могли общаться с виртуальным миром.

Но виртуальный мир забыл о нас, изображение на экранах не двигалось, нажатие клавиш на клавиатуре не производило никакого действия. Мы навсегда расстались с виртуальным миром. Как будто разлетелись в разные галактики. Контакт с ним стал совершенно невозможен. В сколькоммерном пространстве живут теперь виртуальные люди? В 10 или в 100? С какой скоростью они перемещаются в этом пространстве? Уж не превысили ли они скорость света – ведь гениальная голова Альберта Эйнштейна, предостерегавшая нас от преодоления этого опасного

порога, не содержала виртуальные мозги и в своем несовершенстве запросто могла ошибиться! Что видят и слышат виртуальные люди? А может, у них вместо пяти чувств пятьсот? Читают ли они мысли друг друга или просто мыслят все вместе? Есть ли у них и теперь там любовь?

Нам, людям примитивной человеческой цивилизации, этого уже никогда не узнать. Что до меня – так я совсем перестал интересоваться их миром. Да я и вообще забыл о нем, тем более что началась осень, и я вспомнил печальные события прошлой осени и то, что произошло со мной и с Элиз. Всю осень я провел в глубокой печали, думая о ней.

А про виртуальный мир неожиданно вспомнили у нас в городе, когда выпал первый снег. Как раз начались перебои с электричеством. Ведь большинство работников электрической компании удалилось в виртуальный мир. Первого декабря во всем городе погас свет, а потом, когда работа электростанции нормализовалась, кто-то вспомнил о виртуальном мире. Ведь даже кратковременное выключение электричества должно было полностью его уничтожить! Мы помчались к гигантским компьютерным залам и, войдя туда, увидели, что на всех мониторах нет уже заставки виртуального мира, а по какому-то невероятному стечению обстоятельств на каждом из компьютеров поднялась давно забытая всеми, вот уже тридцать лет как вышедшая из употребления операционная система «Окна Микрософта». Отец как-то рассказывал мне, что они работали на этой операционной системе у него в институте – много лет назад, когда компьютеры были еще совсем примитивными.

Все были потрясены и расстроены. Сотни миллиардов виртуаликов, наверное, погибли. «Ну ничего, – утешал всех один старичок, – может, они того, улепетнули в Интернет. Не расстраивайтесь, братья».

Мне стало совсем тоскливо. И так городок наш опустел, да еще и выпал снег и, как назло, намелись глубокие сугробы. Тогда как раз сообщалось, что в связи с резким уменьшением численности населения Земли началось глобальное похолодание. И наш климат из субтропического превратился в умеренный.

Я сидел в общежитии у окна и смотрел на противную белую грязь, падающую с неба и засыпающую улицу своим плотным слоем. Я вспомнил Элиз и как мы любили друг друга всего только одну ночь в темном хвойном лесу. Я, кажется, забыл написать, что утром, пока я спал счастливый на хвое и видел ее во сне, Элиз оделась и улетела от меня в неизвестном направлении. Я долго бродил пешком по лесу, как Гамсун, разыскивая ее, и нашел-таки. Тот самый орел, которого я отколошматил дубинкой, снова напал на Элиз и на этот раз заклевал ее. Я прилетел с ней в больницу, ее, конечно, спасли, но она сошла с ума. Элиз не узнала меня, а как только появились первые кибернетизаторы – улепетнула в виртпространство. Там она и исчезла.

И тут, сидя у окна и глядя на город сквозь противное стадо летящих белых мух, я решил уехать в Австралию. У меня давно была мечта завести ферму, купить несколько десятков кенгуру, приручить парочку страусов и устроить себе страусовый выезд – в общем, зажить по-фермерски. Питался бы я кроликами – их в Австралии полно. Я глянул в расписание, собрал чемодан, запер комнату и навсегда уехал из города, в котором провел детство и юность.

Фантазеры

Собрались мы как-то у меня на кухне водку пить. Выпили каждый по три небольших граненых стакана, и Алешка рассказывает:

– Подходит ко мне позавчера на работе девушка... – (А Алешка на пляже подрабатывает, мусор собирает.) – Подходит ко мне позавчера на работе девушка, – рассказывает Алеша, – абсолютно голая. Не успел я и удивиться, а она говорит: «Извините, пожалуйста, молодой человек, не найдется ли у вас лишней сигареты?» – а я всегда сигареты оставляю в сумке возле первой станции, чтобы потом спокойно, когда никто не пристает, покурить. Я ей говорю: «Да, найдется, но только пройдемте, пожалуйста, вон к той вышке, у меня там, в сумке, сигареты». – «Ладно», – говорит она.

Пока мы туда шли, мы разговорились. Оказывается, она тут в гостях. Из Мурманска прилетела на две недели. А чемодан в аэропорту украли – и в нем купальник. «Здесь магазинов не знаю, а в кои-то веки на Черное море выбраться и ни разу не искупаться – глупо. Все равно меня здесь никто не знает. Вот и решила так купаться. Нагишом. Сначала неудобно немножко было, а теперь уже привыкла».

К этому времени мы до сумки дошли и закурили. Жарко очень, с меня пот градом течет. «Хочешь, – говорю, – если никогда здесь не была, покатаю тебя, на город посмотришь? Тут машина моя рядом». – «А я подруг не предупредила, – говорит она, – а они на другом конце пляжа». – «Ну, мы туда и обратно». – «Ну ладно».

Сели мы в машину. Едем: я и она – совершенно голая рядом со мной, на соседнем сиденье...

– Ну, ты здорово врешь, нечего сказать.

– Да я не вру, ей-богу! – говорит Алешка. – Все это правда! – И он так резанул рукой воздух, что нечаянно смахнул со стола два граненых стаканчика.

– Жалко, – сказал я.

Я встал и достал большие гладкие стаканы.

– За хозяина! – сказал Алеша, и мы выпили каждый по стакану водки.

– А я один раз – это еще в общаге было, в выходные, все разъехались, – начал рассказывать Гена, – ночью попить на кухню выхожу, смотрю – из-под двери свет. Ну, думаю, забыл выключить. Не хотелось со сна на яркий свет – просунул руку в приоткрытую дверь и нажал выключатель. Вижу – полоса света не гаснет. Что такое? Открываю, а там везде свечи горят: на плите, на полках, на столе, над раковиной – и двенадцать голых баб за столом в карты играют. Я дверь приоткрыл – а они меня не заметили, дальше играют. Молчат и вот как мы – водку из стаканов пьют. Все стаканы и чашки, что на кухне у нас были, используют.

– Угу, – говорит Славик, – а я недавно в банк пришел, долго в очереди стоял, наконец подхожу к окошечку чек вложить, а кассирша там абсолютно голая за барьером стоит. Я головой тряхнул, глаза зажмурил – ну, думаю, совсем глюки разобрали после вчерашнего. Глаза открываю, а она мне, улыбаясь так приветливо, и говорит: «Нет, молодой человек, не пугайтесь, это вас не глючит, это теперь у нас тут в банке порядок такой, директор так завел, чтобы кассирши голыми стояли. В помещении тепло, так что заболеть не страшно, а клиентов этот новый метод очень здорово привлекает». Я по сторонам оглянулся, вижу – и впрямь клиентов тьма, а за барьерами все кассирши голые, и, как нарочно, все красавицы, так что не знаешь, на какую сначала смотреть.

В это время в дверь постучали.

– Да! – ответили мы.

Вошел Витя. Мы его презирали, потому что он был с экономического факультета, где учились в основном девушки. На нашей «радиоэлектронике» девушек было очень мало,

а на Алешиных «реактивных двигателях» на все пять курсов была одна только Вика – потомственный авиаконструктор, дочь академика Туполева (не того, что придумал Ту-104, а его однофамильца, тоже академика). Вика была мастером спорта по дзюдо и по гребле.

– Ну, в общем, так, – говорит Игорь, налив себе еще один целый стакан водки и выпив его. – Захожу я вчера в баню, причем специально в женскую, чтобы посмотреть на голых баб. Прошел предбанник и очутился в самой бане, где самый пар. Глаза пеленой застлало – до того жарко. А когда глаза к пару попривыкли, смотрю – все женщины в шубах. Я чуть в обморок не упал. Зашел посмотреть, понимаешь ли, и вот на тебе – ну ладно бы в халатах, а то прямо в шубах – в кроличьих, в заячьих и даже в норковых.

– Ну и что, они так в этих шубах и мыслишь? – спросил Алеша, выпив еще один полный стакан водки.

– Нет, что ты, конечно же, не так просто и мыслишь, – ответил Игорь, выпив подряд два таких стакана, как у Алеши. – А они откроют одну полу шубы – намылят там себе что-нибудь, откроют другую – намылят еще какую-нибудь часть тела. Это они для того, чтобы пропотеть как следует, шубы-то понадевали. А как намылили всё, что надо, под шубами – так одновременно свои шубы скинули и остались в чем мать родила. Боже мой, как это было красиво! Просто какой-то фейерверк! Одни девушки и молоденькие женщины! И какие все красавицы! Ну, прямо так бы и расцеловал всех подряд, так бы и расцеловал!

– И всё-то ты врешь, – сказал я, отпив из горлышка три четверти семисотпятидесятиграммовой бутылки водки. – Никто бы тебя в женскую баню не пустил на голых баб смотреть.

– А вот и пустил! Я ведь не дурак. Я переделся девушкой. Взял платье и колготки своей сестры и ее туфли на каблуках. Побрился как следует, губы накрасил, глаза там... – Игорь налил себе два стакана водки, каждый до половины, и залпом выпил оба.

– Ну, тогда ладно.

– За женщин, – сказал Алеша и поднял свой полный до краев стакан водки.

– Голых, – уточнил Славик, и мы все выпили еще по одному полному стакану.

На кухне воцарилось молчание. Слышно было лишь, как в шкафчике между упаковок с макаронами шурша пробираются по своим делам тараканы. Все обдумывали сказанное Игорем.

– Ну и что же они тебе сказали? – наконец нарушил тишину Гена.

– Дали шайку и сказали, чтобы я тоже разделся. То есть разделась – ведь они думали, что я молоденькая девушка.

– Ну?

– Ну мне стало стыдно, я и ушел. Я же все-таки интеллигентный человек.

– Вот-вот, – сказал Гена. – И как это тебя угораздило обманым путем в женскую баню проникнуть? Ума не приложу. При твоей-то интеллигентности.

– Да... – задумчиво произнес Алеша. Он перевернул вверх дном последнюю пустую бутылку и заглядывал в нее снизу, проверяя, не осталось ли еще хотя бы нескольких капель недопитой водки.

– Ну и вруны же вы все, – процедил Витя. Водки он не пил, и от этого нам было как-то не по себе.

– Да пошел ты! – сказал Алеша. – Принес бы лучше водки – видишь, вся кончилась.

– Никто из вас, дураков, ни разу голой женщины не видел, – изрек Витя.

– Сам дурак!

– Только и умеете, что языком молоть.

– Ну-ну, герой-любовник!

– Петух в курятнике!

– А я вам расскажу сейчас настоящую, правдивую историю.

– Валяй...

– Знаете Ленку из корпуса напротив?

Ленку мы все знали. Каждый из нас в свое время пытался за ней ухаживать, но безуспешно. Ленка была настоящая красавица. Мне даже как-то неловко было к ней приставать. Она была настолько хороша, что просто захватывало дух. Мне казалось кощунством желать такую девушку. Я мог думать о ней только как о своей сестре.

– Ну, я с ней сегодня переспал.

– Наглое вранье! – сказал Алеша и стукнул кулаком по бутылке.

Витя не удостоил его замечание вниманием и продолжал:

– От Ленки вчера ушел ее Валера. Генеральный директор нашего отделения «Микрософта», если кто не знает. Ему, кстати, всего только двадцать шесть лет.

– Ну и что? – перебил я, мысленно проклиная директора «Микрософта».

– Ничего. Ленка напилась.

– Врешь, она не пьет.

– А вот и не вру. Вчера напилась – спроси у кого хочешь в женском корпусе. Я прихожу к нашим девчонкам лабораторную списывать, а Лилька мне говорит – помоги, мол, мне Ленку уговорить, она буянит, а мне убежать в театр надо, меня пригласили на премьеру. Мы пошли в их комнату, там Ленка на кухне тарелки дверью прищемляет – они и бьются. Наприщемляла так уже, наверное, тарелок двадцать – по всей кухне осколки. А в шкафу у них еще полно посуды оставалось – у девчонок всегда полно посуды. Мы ее еле от этих тарелок оторвали и дотащили до кровати. Она дерется, сама в одной ночной рубашке, такой сетчатой, полупрозрачной, под которой ничего нет, волосы растрепаны и несколько больших прядей отстрижено – это она сама себе только что ножницами с горя отстригла – и размахивает кулаками. Усадили на кровать, она вроде успокоилась, мы ее отпустили. А она неожиданно вскочила, схватила со стола ноутбук – шикарный ноутбук, который ей этот Валера подарил, и – не успели мы ничего предпринять – вышвырнула в окно. Жалко! Я подошел к окну, смотрю – ноутбук на крышу какому-то «пежо» грохнулся, и все у него отлетело. А Ленка тем временем уже бежит к телевизору – и, не успели мы ее схватить, бросила видик на пол, и он треснул. В общем, насилу мы ее снова на кровать повалили и привязали. Связали руки колготками и привязали к разным ножкам кровати, и одну Ленкину ногу привязали к другой ножке кровати, а на вторую ногу колготок не хватило. И всё это молча – Ленка ни звука не издала, ну и мы тоже не хотели большого скандала поднимать. И этой одной ногой Ленка все время пыталась нас лягнуть – и даже два раза Лильку пребольно в спину лягнула. Но мы отошли подальше, и теперь ей уже было нас не достать. Тут Лилька посмотрела на свой видик, и по спине ей, видимо, здорово досталось, и она страшно разозлилась. Хлопнула дверью и побежала на свою премьеру – она уже накрашенная была. А я не знал, уходить мне или оставаться. Думал уйти – как-то неудобно все это: повсюду тарелочные осколки, видик разбитый, компьютер выкинутый, Ленка практически голая на кровати привязанная лежит и ногой пинается. Настоящая голая Ленка, а не какие-то там ваши выдуманные бабы. Уже восемь вечера было, а внизу, в холле, в девять дискотека, и уже музыку включили на полную громкость. Тут вдруг Ленка успокоилась. Перестала махать ногой и говорит мне: «Запри дверь». Я запер. И потом говорит: «Помоги мне снять эту рубашку».

Мы все молчали, опустив головы. Каждый держал по пустому стакану, а Алешина рука с пустой семисотпятидесятимиллилитровой бутылкой бессильно опустилась под стол.

– Я подумал, что она уже не будет буянить, потому что глаза у нее стали совершенно спокойные. У нее такие большие синие глаза. Я стал ее развязывать, но она говорит: «Не надо, а то я опять что-нибудь сломаю. Сними с меня рубашку. Очень жарко».

Эти дни и правда страшная жара стоит. Да мы еще с Лилькой с ней дрались. С меня тоже пот градом тек. «Только выключи верхний свет, – сказала Ленка. – А то мне так стыдно, слишком ярко».

Я выключил свет, и осталась одна настольная лампочка. Рубашка на ней все равно вся была порвана. «Рви совсем», – сказала она.

Знаете, какая Ленка, когда на ней нет ни клочка одежды? Вы, дураки, ни один из которых никогда не видел обнаженной женщины? Какая она – не просто тело, которое вы привыкли себе воображать, а она – человек Ленка? А вы знаете, дураки, какого цвета у нее тело? Какие у нее глаза, когда она обнаженная смотрит на вас? У меня женщин много было, но такой красавицы я еще не видел.

– А потом что было? – спросил Гена.

– Ну, в общем, мы переспали. Ей нужен был мужчина, чтобы отвлечься. Тем более опытный мужчина. Она сама хотела. Людям ведь нужно помогать. В постели она Шахерезада. Я имею в виду Шахерезаду, уже успевшую рассказать свою тысячу и одну сказку.

На этом Витя кончил свой рассказ. Пить было нечего, и мы к этому времени совсем протрезвели. Было уже, наверное, часа два ночи, и во всем здании стояла тишина. Давно перестали ползать трамваи под окном, и даже тараканы в шкафу заснули.

– Значит, переспали, – нарушил тишину Алешин голос, а его рука поставила, наконец, пустую семисотпятидесятимиллилитровую бутылку на стол.

– Завидуешь... – усмехнулся Витя.

– Господь с тобой.

– Понимаешь, девушка, когда она пьяная...

– Так ты, значит, помог ей? – не слушая, продолжал Алеша.

– А что я мог сделать? Она сама хотела.

– Сама хотела, – в задумчивости проговорил Алеша и нанес Вите резкий и длинный удар в начавшуюся опускаться для произнесения какого-то нового оправдания челюсть.

Витя полетел под стол. Не под тот, за которым мы сидели, а под второй, на котором стоял тостер, банки с вареньем, чай, ящик с ложками и вилками и прочая кухонная утварь. Стол этот перевернулся, и вся утварь посыпалась Вите на голову.

– Сама, значит, хотела, – повторил Алеша, встав со стула, и к первому своему удару прибавил второй, тоже длинный, обрушившийся сверху на голову выползающего из-под перевернутого стола Вити. Витя рухнул на обломки стола, но тут же вскочил и с криком «Ах ты скотина!» запустил Алеше в лицо чайничек для заварки. Алеша увернулся, и чайничек попал в Генину голову, отчего разбился, а Гена вскочил на ноги с огромной шишкой на лбу (впрочем, нет, шишка выросла потом). Все мы повскакали со стульев. Витя был около двух метров ростом, он возвысился над всеми нами, схватив горсть кухонной утвари, и принялся швырять ее сверху на наши головы. Мы бросали в него пустыми бутылками и стаканами. Но разве можно нанести человеку, которого ненавидишь, достаточный вред пустой бутылкой и тем более стаканом? Алеша ринулся на Витю через большой стол, споткнулся и, прободав его головой в тощий живот, повалил на кучу битой посуды и обьедков. Завязалась драка. Шуму было много от криков и бьющейся посуды, и скоро стали стучать в дверь, но мне масштаб драки показался маловат, и я повалил холодильник. Вообще-то я хотел повалить его на Витю, катающегося по полу в обнимку с молотящим его кулаками по морде Алешей, но Витя ловко вывернулся, и холодильник придавил Алешу. Правда, Вите тоже хорошо досталось: большой чугунный котел, стоявший на холодильнике, набил на Витином черепе крупную шишку. Он бы, наверное, убил Витю насмерть, если бы за мгновение до этого на Витину голову не наделась моя новая сковородка с тефлоновым покрытием. Звук от удара котла о сковородку был таким страшным, что на минуту стуки во входную дверь и крики, доносившиеся из коридора, прекратились. Алеша не мог выбраться из-под холодильника и участвовать в драке, и тогда он принялся истошным голосом изрыгать проклятия. Тогда в дверь стали стучать с удвоенной силой, и, по-видимому, кто-то начал ее выламывать – во всяком случае, периодически приближающийся к двери топот ног сменялся глухим ударом, от которого все сотрясалось. Наш вечно недосыпающий сосед

за стенкой, Андрей, как всегда в таких случаях, со всего размаха бил в стену своей двадцатичетырехкилограммовой гирей.

Через полчаса приехал наряд, но майор в отделении, увидев, что мы пьяные, отпустил нас всех. «Не деритесь больше, ребята, – ласково попросил он. – У меня у самого трое сыновей. Что с ними делать, ума не приложу, каждый раз затевают мордобой! Что, девушку не поделили?»

– Девушку? – попробовал было взреветь Алеша, но голос его – то ли от водки, то ли от долгих криков – совсем осип.

В общежитие мы вернулись к восьми часам утра. На нас живого места не было. Народ как раз выходил из корпусов и спешил на лекции.

– Что это с вами? – спрашивали все.

– Да так, ничего, – отвечал всем наименее пострадавший Гена. – Попали в автокатастрофу.

У меня и вправду так болела голова, будто после автокатастрофы. Во рту все пересохло, и эта сушь жгла нёбо. Главное, в общежитии ничего не осталось, друзья выпили всю мою водку и всю водку Игоря. Я боялся, как бы у нас не наступило обезвоживание.

Возле корпуса напротив стоял белый шестисотый мерседес. За рулем его сидел тот самый Валера – генеральный директор нашего отделения «Микрософта». Из подъезда с несколькими тетрадками в руке вышла Лена. Она подошла к мерседесу, Валера вышел, они обнялись и поцеловались. Но тут через плечо Валеры – она была выше его – Лена увидела нас. Она что-то ему сказала и подошла к нам.

Мы смотрели на Лену во все глаза. На ней было коротенькое, совсем легкое голубое платье. Ее длинные белые ноги были обуты в сандалии, сплетенные из тонких ремешков. Густые пепельные волосы рассыпались по плечам, и ими играл утренний ветер. Но самыми прекрасными у Лены были ее большие голубые глаза. Я не представлял себе, что такая девушка могла бы быть моей женой; быть может, сестрой?

– Мальчики, что с вами? – спросила Лена.

– Автокатастрофа, – сказал Гена.

– Когда?

Мы молчали.

– Сегодня ночью, – пришлось соврать мне. – В два часа.

– И в таком виде вас выписали из больницы?

– Нас забрали в милицию. Вот только что отпустили – мы ни в чем не виноваты. . .

Лена побежала к мерседесу. Она что-то сказала Валере – тот, не говоря ни слова, сел за руль, и они подружили к нам. Валера вышел и открыл перед нами заднюю дверь машины.

– Садитесь скорее, – сказала Лена.

Мы не поняли.

– Ну, садитесь же! Мы вас отвезем.

– Куда? – просипел Алеша.

– В приемный покой! У вас, наверное, сотрясение мозга! Скорее, сажай их, видишь – они не в себе! – сказала Лена Валере.

Валера молча подтолкнул нас, и мы погрузились в мерседес.

– Хорошо, что мы как раз подъехали, – сказала Лена, когда Валера уже выруливал на бульвар. – Я и не собиралась заезжать в общагу, случайно вспомнила, что оставила Лильке конспекты, а они мне нужны сегодня.

– Как, – поразился Алеша, – значит, ты дома не ночевала?!

Валера пристально посмотрел на него в зеркало заднего вида, но, видимо решив, что у Алеша и правда сотрясение мозга, промолчал.

– Что с тобой, Алеша? – не поняла Лена.

– А где твой ноутбук? – продолжал Алеша.

– Ноутбук? – удивилась Лена. – Я его неделю назад папе отдала. Он какую-то презентацию готовит. А в чем дело?

Мы с Геной и Алешей посмотрели на Витю, а он отвернулся и стал смотреть в окно. Словно большая белая птица мерседес высвободился, наконец, из пробки и понесся по свободному проспекту в сторону второй городской больницы. За окном мелькали дома, деревья, пешеходы. Валера слегка прибавил скорость, и мы успели проскочить перед переезжавшим дорогу трамваем. Впереди на нашей полосе видна была пробка, но мы настигли мчащуюся с мигалкой скорую и, пристроившись к ней в хвост, погнались мимо всех.

Я сидел позади Лены. Ее длинные, пахнущие цветами волосы растрепал ветер, врывающийся в открытое стекло, и они нежно ласкали мне лицо.

Зимой

Вот уже третий год снег выпадает, как по заказу, в ночь на первое декабря, и каждый раз первого я выхожу на улицы полюбоваться заснеженным городом. В мире происходит какая-то неточность, я знаю это, но она очень маленькая, и я никак не могу эту неточность определить. Я словно спустился в этот глубокий городской овраг откуда-то оттуда, сверху – с серого, заваленного облаками неба. Я поднимаюсь в гору по улице Адар к рынку, иду мимо бесчисленных мясных, овощных лавочек, пекарен, книжных и обувных магазинчиков.

Хайфа в снегу. Склоны гор облеплены детьми, нередко санки выскакивают на дорогу, и водителю переполненного автобуса приходится тормозить, прыгать в снег и оттирать от колес покореженные полозья и дощечки.

Первого декабря улица Адар как после ремонта. Все, что было здесь черным, стало белым. Весь уголь, все закоптевшие, почерневшие за лето лица, провалы балконов – а ведь на улице Адар практически в каждом доме за лето случается пожар хотя бы один раз – так и смотрят на дорогу чернющие, выгоревшие окна, проломленные пожарниками лестничные клетки, покореженные перила... Но первого декабря все это новое, словно только что родившееся. Словно бы не было лета, тухлых овощей под ногами, грязной одежды, свисающей с манекенов, и закоптевших, залепленных пылью и гарью пирожков на прилавках пекарен. Часто, въедаясь в такой пирожок, приходится преодолевать по меньшей мере три слоя непищевых веществ, чтобы добраться до вкусного сдобного теста или варенья – но тем вкуснее кажется пирожочек. А как он пахнет – так, что порой заглушает запах бензина и даже запах автобусной гари!

Первого декабря снег засыпает все. Все словно засыпает под снегом. Вот три заспанных девушки спускаются по лестнице из прозрачного подъезда и прыгают прямо в сугроб – как были, в коротких юбочках и туфлях на высоком каблуке. Только на улице, почувствовав холод, они просыпаются наконец, но вместо того, чтобы порадоваться красоте зимнего дня, начинают страшно ругаться. Одна до того вышла из себя, что заплакала и короткой юбкой села прямо в сугроб, размазывая слезы по щекам. Как она плакала! У нее даже потекла тушь.

А в воздухе снег. Снежинки падают буквально на все. И вот, пока бедняжка сидит в сугробе и плачет, не думая о простуде, ее голое колено заносит снежком. Ее ножки совсем посинели от холода, а губы тоже совсем синие и дрожат. Чтобы не видеть всего этого, я отворачиваюсь и даже перехожу на другую сторону улицы. Я иду дальше вверх, пересекаю улицу Адар в сторону улицы Нардоу. Вот такое странное название у этой улицы, и я задумываюсь над возможным происхождением этого названия. Что за человек был тот, кто выдумал для улицы такое странное имя? Скорее всего, он сам был очень странным человеком.

Пять или шесть санок с мальчишками и одной девчонкой внезапно выскакивают на проезжую часть, летя с горы по крутому спуску. Двое саночек успевают прошмыгнуть перед самыми передними колесами только что отошедшего от остановки автобуса. Двое других мальчишек, тормозя что есть сил, ухитряются пропустить автобус и ныряют в глубину улочек рынка по еще более крутому спуску. У девочки шапка съехала на подбородок. Я останавливаюсь, вытягиваю руку и ловлю на варежку снежинки. Какая-то красивая девушка удивленно смотрит на меня.

* * *

Вот я наконец и на улице Нардоу. Здесь, почти на углу, возле фонтана мой любимый магазин «Арбат». Летом я подолгу, бывает, стою, прислонившись спиной к этому магазину, и смотрю на фонтан. В фонтане происходят иногда удивительные вещи, особенно если долго смотреть на льющуюся воду и слушать духовой оркестр, расположившийся неподалеку. Сейчас трубы замерзли, медь покрылась холодным инеем. Музыканты греют у костра руки и шеи,

притоптывают и прихлопывают замерзшими ладошками, чтобы хоть как-то согреться. Молодые, снявши шляпу и отверстием кверху укрепив ее на снегу, притоптывают ногами вокруг и кивают проходящим прохожим на шляпу. Бывалые музыканты, хорошо знающие жизнь, сидят нахохлившись. «Все это, в сущности, очень глупо», – думают они.

Вот я, как и всегда первого декабря, стою, прислонившись спиной к моему любимому магазину «Арбат», на улице Нардоу. Вот сейчас я постою еще пять минуточек и зайду внутрь купить себе горячих сарделек. Стройная, совсем еще не пожилая блондинка давно знает меня и уже поставила их варить. Она почти никогда не разговаривает. Раньше я видел ее в Ленинграде. На Невском она шла, неся в руках какой-то сверток. Пройдя мимо Исаакиевского, она повернула на Остоженку и оглянулась на меня. Тогда, как и сейчас, тоже шел снег, где-то в пелене маячил шпиль Адмиралтейства. Я тогда запомнил ее взгляд.

* * *

Я стою возле магазина и ем сардельки. Тут же знакомый сенбернар. Он ничей, почти бездомный, иногда, впрочем, он где-то живет. Его тут все любят и изредка подкармливают. Вот и я кормлю его сардельками. Он мне благодарен и виляет хвостом. Сенбернара зовут Шарик. Мы с Шариком едим сардельки и смотрим на то, как на площади перед фонтаном заливают каток. Внезапно наш приятный завтрак прерывается следующим явлением. Я даже не успеваю разглядеть, кто это, – какой-то снежный комок, скатившись впопыхах с горы и скинув свою дубленую шубку мне под ноги, набрасывается на меня и начинает покрывать мое лицо слезами и поцелуями. Шарик скачет вокруг нас и неистово лает. «Милый... – слышатся мне какие-то обрывки слов сквозь оглушительный лай, – наконец-то... нашла... милый...»

Очки мои и, что обиднее всего, сардельки падают в затоптанный мной, Шариком и этим третьим существом грязный снег, лицо мое залеплено поцелуями. Я толком не знаю, как надо вести себя в такой ситуации, и глупо стою, раскинув руки, и даю себя целовать. Какие-то крупные, острые и упругие груди в белой кофточке что есть силы упираются в меня, как будто хотят меня продавить или проколоть. Какие-то черные косы хлещут меня по ушам. Какие-то слезы текут мне по шее и затекают за шиворот. Моя шапка упала в снег, мой длинный белый шарф выбился из-под пальто наружу и мотается чуть ли не по земле, да еще и Шарик вдруг решил поиграть со мной и тянет его из стороны в сторону.

Наконец она отпускает меня, отходит на шаг, я машинально поднимаю и нацепляю на нос очки, она отходит еще на шаг и оказывается невероятно красивой женщиной с белым лицом, черными волосами, красивыми руками и, вероятно, ногами, скрытыми, впрочем, под длинной черной юбкой. Так мы стоим друг напротив друга, а я заново переосмысливаю эту сцену с поцелуями, происшедшую несколько секунд назад, и понимаю заново, то есть не заново, а в первый раз, каково мне тогда чувствовалось... но уже поздно – я должен был целовать ее, когда она целовала меня, а теперь это бесполезно.

Она смотрит на меня где-то с минуту своими большими черными глазами, потом говорит: «Нет, это не ты, я снова ошиблась», – и уходит. Я поднимаю затоптанные сардельки и отдаю их Шарик. Надо бы ее остановить, но я почему-то не останавливаю.

От нее исходит такой сильный аромат любви – мне кажется, что от ее щек и белой шеи в размотавшемся платке, – этот аромат смешивается с запахом падающего снега, и словно все переворачивается во мне. Я сегодня примусь за эту картину, напишу все как было, в одном мгновении: белая кофточка, распираемая шарами, черные глаза, затоптанные сардельки, скачущий Шарик, растерянный я позади картины, каток, замерзший фонтан и снег – отовсюду, на всем и везде.

Я все еще стою во власти этого момента, и написанная мною завтра картина – белая, как сам снег, – маячит у меня перед глазами, а она, женщина, уже далеко там, маленькая, еле различимая точка в конце улицы Нардоу. Я мысленно перевожу взгляд на картину, потом опять на ту точку. Картина пахнет тем, чем пахла эта женщина. Ее запах полностью захватил меня.

С неба валит снег. Полно снега. Каждый, кто захотел бы иметь достаточное количество снега и холода лично для себя, чтобы пользовался только он один, запросто может позволить себе это. Мы с Шариком отряхиваемся от налетевшего снега. Мимо проходит местный сумасшедший, которого я здесь встречаю почти каждую зиму. На нем футболка, шорты и сандалии, лицо его залито потом, он поминутно прикладывает к бутылке с водой и вытирает пот со лба. Глядя на него, можно замерзнуть. Он идет по щиколотку в снегу, и мне за него страшно.

– Бр-р, – говорит Шарик.

* * *

В магазине «Арто», на углу, я покупаю краски, которых почти не осталось дома. Рядом продают цветы. Они как будто наелись снега. Я забираюсь на чердак, снятый моим другом на улице Грецеля. Весь чердак практически состоит из одних огромных окон, так что на нем очень удобно рисовать. Мой друг, к сожалению, не художник, поэтому чердак ей не нравится, и она сожалеет, что сняла его. Зато чердак нравится мне. Мы с Шариком высовываемся из окна и видим внизу рынок. Идет снег; где-то в глубине домов маячат желтые апельсины, красные помидоры, зеленые бананы, синие огурцы. Под самыми нашими окнами ходят люди. Случайно я роняю за перила балкона связку ключей, которая рассыпается в воздухе на отдельные ключи, и они долбят прохожих по головам. Возникает переполох. Ключи падают в снег, и все бросаются их подбирать. Потом я спускаю на веревке корзинку, и люди кладут в нее найденные ключи. «Пятнадцать, – говорит одна девочка, которая пересчитала ключи. – У вас столько было?» – «Да», – говорит Шарик.

* * *

Вначале я изобразил ее совершенно голой. Через два часа она глядит на меня своими черными глазами с поставленного сушиться холста на балконе. На картине она не смущается того, что абсолютно голая. На ее стройное белое тело падает ровный свет от заваленного облаками неба. Мы смотрим друг на друга, курия и отпивая сладенькое вино прямо из горлышка бутылки. Шарик завалился спать. Я укрываю его, и он довольно пошевеливается во сне.

* * *

Наутро второго я снова на улице Адар. Все белое, но снег перестал. Очень холодно, мороз. Картина в раме, обернутая в бумагу. Я закутался, замотался шарфом, на ногах у меня валенки. Я опустил наушники от шапки и завязал их под подбородком – такой холод.

Дети шмыгают на санках с горы чуть ли не мне под самые ноги. При мне одна молодая женщина перешагивала широкую замерзшую лужу, и по этой луже как раз проехали санки с детьми; женщину сбили; она упала на тротуар прямо вверх ногами.

Деревья в снегу, дома в снегу. У меня перед глазами видение: метро «Кропоткинская», в бассейне плавают люди, и белый пар поднимается над водой. Я подхожу к Арбату. Все новое – Арбат новый. Словно я в первый раз тут. Покупаю сардельки. Захожу с картиной в магазин. Медленно разворачиваю бумагу. Народ столпился вокруг. Все почему-то снимают шапки, шубы, пальто, валенки, сапоги. Женщины снимают рейтузы. Взгляды всех устремлены на меня. Все стоят разоблачившись, в легкой одежде, и от почтения ко мне, несмотря на холод, пот выступил на их лицах. Они поминутно обмахиваются чем-нибудь и даже пьют воду, чтобы освежиться. Я оставляю им картину, беру Шарика, и мы с ним выходим из магазина.

На улице снова пошел снег. Мы сразу же узнаем ее запах. Она только минуту назад прошла здесь – я хлопаю себя по лбу, как будто до чего-то догадался. Но на самом деле я не догадался ни до чего. Я гляжу направо, налево – ее уже нет. Ее уже и след простыл. «Шарик, след!» – говорю я, и мы мчимся с ним по этому следу, добегаем до конца улицы, поворачиваем за угол, взбираемся на крутую горку и, совсем уже запыхавшись, снова поворачиваем за угол. Тут мы со всего размаху натыкаемся на нее.

– Ну? – говорит она.

Мы молчим и еле переводим дыхание.

– Дальше что? – спрашивает она.

«А и правда, – думаю я, – дальше-то что? Что мы теперь будем с ней делать?» И я пока что переминаюсь с ноги на ногу, пытаюсь отдышаться.

Тем временем снег повалил гуще, так что дорогу совсем не стало видно. Нас всех засыпало. Шарик стал просто похож на большой снежный ком. Пока она думала о снеге, я вспомнил, что она мне говорила, и сказал:

– Нет, ты не ошиблась, это я.

– Тогда пошли ко мне, – сказала она.

– Как, вот так сразу? – сказал я.

– Если это действительно ты, то чего же нам еще нужно ждать?

Мы поднялись по лестнице к ней в квартиру, зашли внутрь, и она немедленно сбросила с себя все, кроме шубки.

– Что мы будем пить компот? – спросила она.

– Не что, а будем.

Я сбросил свои валенки, а Шарик отряхнулся. Она всем нам налила компоту.

– Жизнь пустая, – сказала она.

Мы все вздохнули.

– Я так не могу больше, – сказала она.

Компот был хороший, но чего-то в нем не доставало.

– Ты можешь что-нибудь со мной сделать? – спросила она.

– Что? – спросил я.

– Если б я знала, – сказала она.

За стеной заиграла какая-то ватная музыка.

– Я маюсь, – сказала она.

– Я вас понимаю, – сказал я.

– Да что ты понимаешь?! – закричала она, сняла шубку, открыла холодильник, вынула оттуда игрушечного мороженого слоника, села на качели в коридоре, раскачалась и прыгнула, а потом засунула голову в телевизор. Из телевизора торчали только ее красивые белые ноги, а больше ничего, и никакой передачи не было.

– Я маюсь, ясно тебе? – прогудела она из телевизора.

– Как не понять, – сказал я.

Разбухнувший изюм застрял в компоте, и я никак не мог его вытащить. Теперь я понял, в чем дело: в компоте не было сушеных груш.

– Вытащи меня отсюда, я застряла, – сказала она.

– Охотно, – сказал я.

– Что мне делать, как себя убить – ума не приложу! – сказала она.

Я встал, вытащил ее из телевизора, но она уже рвалась в холодильник. Тут я не нашел ничего лучшего, как вынести ее прямо на улицу, а на улице все шел и шел снег – белый и пушистый.

– Здесь тебе будет легче, – сказал я ей.

Мы постояли, и нас пробрал морозец. Мы оглянулись и увидели, что Шарик куда-то исчез. «Наверное, убежал в „Арбат“ за колбаской», – решил я.

– Женись на мне, – попросила она – кстати, ее звали Асвета.

– Хорошо, – сказал я. – Будем маяться вместе.

Какие-то школьники проходили мимо и пялили на нас глаза.

– Женись сейчас! – сказала она.

– Ладно, – сказал я.

– Дай мне мое обручальное кольцо, – сказала она.

Я дал ей кольцо – понарошку.

– На, – сказал я.

– Вот твое, – сказала она и надела мне мое кольцо на палец.

– А теперь ты надень мне мое, – сказала она и протянула руку.

Я надел ей ее кольцо на указательный палец, и мои руки от волнения дрожали.

– Дай выпить свекрови, – сказала она.

– На, – я протянул свекрови бокал.

– А теперь дай теще.

Я дал и теще.

– Поцелуй меня, – сказала она и подняла фату, – понарошку.

Пока я целовал ее обнаженные губы, снежинка упала нам на лицо.

– Теперь ты моя жена, – сказал я, и голос у меня был какой-то странный.

– Я твоя жена, – сказала она каким-то странным голосом.

Мы глянули на небо: снег повалил еще гуще. В проходе между домами виднелась улица Нардоу, на ней были мугробы, Лошади и Кони вязли по колено в снегу.

– А я совсем замерзла, – сказала она – моя жена.

Я снял свое пальто и надел на нее.

– Где мы проведем нашу первую брачную ночь? – спросила она.

– Наверно, в брачной постели, – сказал я.

– А где мы проведем наш первый медовый месяц? – спросила она.

– Там же, где и брачную ночь.

В это время взошла луна. И как раз мимо нас прошел местный сумасшедший, которого я здесь встречаю почти каждую зиму. На нем футболка, шорты и сандалии, лицо его залито потом, он поминутно прикладывает к бутылке с водой и вытирает пот со лба. Глядя на него, можно замерзнуть. Он идет по щиколотку в снегу, и мне за него страшно.

– Бр-р, – говорит Асвета.

Она смотрит на меня, и я вижу луну, которая отражается в ее глазах.

А в мире-то произошла неточность, и я это знаю, а просто на минутку об этом забыл. И я должен исправить это неестественное положение. Я поднимаюсь наверх, в квартиру и выношу ей ее шубку, кофту, юбку, колготки и все остальное. Я выношу также ее сапожки и шапку. Я не смотрю ей в лицо, а она все пытается заглянуть мне в глаза. Я одеваю ее, как маленькую девочку, и она тает в воздухе. Потом, не оглядываясь на нее, захожу за угол, и меня больше нет.

Евгений Печорин

(в двух частях)

Посвящаю учителям русского языка и литературы, а также их ученикам, из которых вышли литературные критики.

Часть первая

Была прелестный уголок...

А. Пушкин

На школьной скамье я недоумевал. Как можно было оставить героя своего в столь неопределенном положении, да еще и в злую минуту? Мне было искренне жаль Онегина, да и Татьяну тоже, честно говоря, и даже ее мужа-генерала, которые совершенно не использовали свой потенциал. «Ну что же с ними было дальше?» – всё думал и думал я. Ну, понятно, генерал был великосветским человеком, и он этого так не оставил. Он принялся ругать Онегина за то, что тот, по его мнению, бесчестно пристаёт к его жене, притом в его же собственном доме, да еще и в отсутствие хозяина – ведь начал же Евгений свои, как генералу казалось, домогательства еще до того, как он вышел к ним, к тому ж, как сказано в произведении, Татьяна была не убрана. В общем, слово за слово – очевидно, дошло до дуэли. Конечно, не мгновенно. Онегин хлопнул дверью, но на следующий день, на приеме, генерал, который, естественно, не мог этого так оставить, подошел к нему и похлопал пальцами снятой перчатки по кончику носа пушкинского героя. Ясно: дуэль, и понятно, что Онегин убил его, этого старенького генерала, как и Ленского. Ну, он потом чувствовал кое-какие угрызения совести, меньшие, впрочем, чем после дуэли с Ленским, оттого что Ленский все-таки друг и юноша, а этот – старый и недруг. Татьяна же, как жена, верная бывшему своему супругу-генералу, понятно, какое-то время поносила траур, но затем сняла и бросилась в объятия Онегина. Она так его любила! И, конечно же, он ее. Казалось бы, счастливый конец?

Вначале я был удовлетворен этим концом, но потом стал размышлять: действительно ли герои реализовали свой потенциал до конца? Ну, генерал, положим, реализовал. Но как же Онегин с Татьяной? Неужели они так и останутся жить с этим «счастливым концом»? Шекспир бы не согласился. Мы помним, как Онегин – еще давно, когда только получил Татьянино любовное письмо к себе, – охлаждая ей пыл, сказал девушке, что он-де ее тоже, конечно, полюбил, но намекнул, что женитьба все испортит, сказав: «Женившись, разлюблю тотчас; начнете плакать: ваши слезы не тронут сердца моего и будут лишь бесить его!» Так и случилось, как это предвидел Онегин. Всё-таки он был очень прозорлив (конечно же, не он, а Пушкин). Через несколько дней после счастливой женитьбы Татьяна ему надоела. Она стала раздражать как раз тем, что раньше притягивало. Конечно же, тем, что «дика, печальна, молчалива» и «как лань лесная боязлива», но не только сим, а еще начитанностью, интеллигентностью и какой-то врожденной мягкостью. Добротой, что ли. Онегин стал сердиться, позволял себе повышать голос. Возникали ссоры. Татьяна плакала, но мужественно терпела. Она ведь была заблаговременно предупреждена, а главное, собиралась быть Онегину век верна, так же как в свое время генералу. Да и могло ли быть иначе в ту утонченную эпоху? Онегин же, чувствуя, что с трудом владеет собою, решил от греха подальше поехать в Петербург (а они после венчания поселились в том самом доме, где когда-то богатый дядя Онегина от скуки давил на подоконнике мух).

И вот Евгений снова в Петербурге, он немного отошел, стал ходить на балы и, казалось бы, почти что зажил прежнею жизнью. Но Татьяне хотелось узнать, чем же занимается в столице ее муж, но в то же время она не хотела там показываться, дабы своим появлением

его не смутить. А послать слуг или даже верную кузину, коя бы все разведала и разузнала, не получалось. Слуг бы на бал не пустили, и они бы понасобирали пустых сплетен от других слуг – вздорных и дурных, и Татьяне от всего этого было бы не легче. А верной кузины у нее не было, потому что, как мы помним, еще сам Пушкин нам сказал, что Татьяна была нелюдимка и, кроме няни, ни с кем не общалась, а няня давно умерла.

Тут приходит Татьяне в голову блестящая идея – недаром же она столько книг в свое время прочла. Татьяна поехала в Петербург инкогнито, переделалась там в мужчину, а точнее, в юношу – потому как верно рассудила, что навряд ли смогла бы изобразить женским лицом своим лицо мужчины зрелого и, пожалуй, усатого, – и стала искать встречи с мужем. Тотчас же она его и нашла на балу у Г. и с негодованием увидела, как муж ее увивается за молодыми дебютантками. Тут глаза Татьяны наконец открылись и она поняла смысл увещаний Евгения, который после ее памятного письма пытался в мягкой форме намекнуть девушке, что не может удовлетвориться лишь одною женщиною и что ему нужны многие. И вот мы видим перед глазами эту картину: блестящий бал, пенящееся шампанское, юные прелестные дамы и увивающийся за ними Онегин – а он сильно соскучился по этим балам, потому что всё это дело с генералом, дуэлью и похоронами, овдовением Татьяны и ее ношением траура по мужу, опять же затем приготовления к новой свадьбе, и прочая, и прочая. Татьяна – хоть и должна была знать (или хотя бы предполагать) это всё заранее, ведь Онегин ее честно предупредил! – не поняла тогда его слов и, получается, вовсе и не знала, и не предполагала, и всё это явилось для нее полным сюрпризом. Переодетая юношей, она гневно взирала на это всё, кусала губы, с трудом удерживая готовые переполнить край слезы и гнев. Страсти кипели и рвали, можно сказать, на части ее оказавшуюся в такой непростой ситуации душу. Сама не осознавая, что делает, Татьяна быстро попросила кого-то, чтобы представили «этому блестящему господину», как назвала она мужа своего, Онегина, и с первых слов принялась сыпать эпиграммами и колкостями. Откуда они в ней только нашлись? Онегин вначале не осознал, занятый дамами, но потом вскипел, стянул с руки перчатку и хотел было постучать дерзкого наглеца пальцами перчатки по кончику носа, но Татьяна опередила и вlepила мужу оплеуху. Дуэль была неминуема. Схватились было стреляться в тот же вечер, но опытный офицер-поручик, известный дуэлянт, убедил отложить до утра: дескать, темно в лесу, свечи света не дадут, только заряды зря растрастят и друг по дружке наверно промахнетесь – зря только живы останетесь. Онегин был зол и холоден, Татьяна же горела и страстно желала драться.

На рассвете сошлись в лесу. Онегин не подозревал, какую злую шутку сыграла с ними судьба и что он сошелся не с юным глупцом, а с собственной женою. Стрелялись на пятнадцати шагах – надо ли говорить, что Онегин, понаторевший в двух предыдущих дуэлях, уложил Татьяну с первого выстрела? Он-то понятия не имел, кого убил. Злоба на дерзкого юношу вмиг прошла. «Ну, что ж? Убит», – услышал он и вздрогнул, потому как эти слова напомнили ему их последнюю встречу с Ленским. «Неужели я только для того и создан на земле, чтобы убивать людей?» – с горечью подумал Евгений. Вскочив на коня, он вернулся в Петербург и вечером не пошел на прием у князя Ф., и в следующее же утро уехал на почтовых в деревню.

Что же было далее? В имени Онегин, естественно, узнал, что «барыня в бричке укатили тому три дни, куды – неведомо». Впрочем, он и не желал сейчас о ней ведать. Мрачная тоска свела ум его. Неделю не выходил Евгений из кабинета. Наконец вышел. Дворовые испугались. На барине лица нет. Приказал подать бричку и поехал назад в Петербург. Искать ее стал. Да нигде найти не может. Татьяна из деревни уехала с одной девкой дворовой, рябой и немой от рожденья. Сколько ни выспрашивал у нее Евгений: «Где ж вы с барыней жили?» – мычит, да и только. Повез ее в бричке по Петербургу, на дома показывает. Здесь? Нет. Там? Нет. Может, вон в том особняке с колоннами? Тоже нет. Мычит да головой мотает. Что с нее взять? Но тут страшная догадка мелькнула у Евгения в мозгу. Словно видение ему было. Еще до конца

не веря, повернул коней – юношу того искать, которого убил. Поехал и к Г., и к Ф., да только никто ничего про того юношу не знает.

«Душа моя, – обнял его К., – очень даже разделяю твое беспокойство, но поверь, милый друг, сам его первый раз на своем же балу увидел. Как он сюда попал? – думаю. Ума не приложить!» Евгений – к слугам К. Те знать не знают. Поехал искать двух поручиков, что им секундантами были, – обоих, как назло, убило на дуэли. Да как же так?! А вот так. Кухарка поделилась, слезу пустила. «Барин добрый был, царствие их благородию небесное, да очень уж любили, прости господи, во всем первыми быть. Приехал к нему другой барин, его друг, царствие и ему небесное, выпили, закусили, а тут муха по стене ползет. Спорим, говорит мой барин, я ее в стену вгону с десяти шагов? А тот, другой, ему не верит. Нет, говорит, не вгонишь. А я тебе говорю, что вгону! А я тебе говорю, не вгонишь! Тот вытащил пистолет, как в муху прицелится, а этот ему: куды ж ты целишься, тут и трех шагов нет. А барин мой: ты что ж мне, говорит, на слово, что ль, не веришь, когда я тебе сказал, что на десяти вгону, что ж я, виноват, бусурман ты эдакой, что вся моя квартира, кою я нанимаю, о пяти шагах только? А этот: ничего, мол, не знаю, хвалился на десяти – так на десяти и вгоняй, а иначе, говорит, буду тебя бесчестным человеком считать. Ну, мой барин взвился, что твой жеребец. Так ты, говорит, меня за бесчестного человека считаешь – так их благородие, царствие им небесное, и сказали: за бесчестного, говорит, считаешь, так я тебе, говорит, на десяти, а хошь, на пяти шагах удовлетворение сделаю. Тот сразу вскочил, и этот вскочил, раскричались: честь да честь! Ну, ясно дело, дуэля, а мне опосля денщик ихний, Васька, сказал: господа офицеры, мол, прицелили пистолетики да и пальнули разом, цыкуданты глядь – а они оба мертвые. Так и убили друг друга, родимые. А такие видны из себя были господа, царствие им небесное! А тот, второй барин – друг моего – даже мне, старухе глупой, раз подмигнули да спряник на Страстной день и подарили. Назад три лета. Мож, четыре, не упомяну. Ешь, говорит, Козлинишна! Козлинишной меня величал – а отец-то мой не Козёл, а Козьма, Кузьминишна я, стало быть, вот шалун! Ешь, говорит, старая, добрый я сегодня. Ну, я тот спряник в мешочек зашила, племяшке снесла, у самой-то во рте ни одного зуба – во, гляди!» Онегин рассеянно слушал болтовню старой бабы. «А где ж они теперь, милая?» – спросил он, когда та окончила разговор и закрыла беззубый рот. Старуха посмотрела на него и пустила еще одну слезу. «Господь с тобой, барин, говорю ж те, помёрли все, царствие небесное, ох как помёрли!» – «Да кто-нибудь хоть остался?!» – в сердцах крикнул он. – «Да я только!»

Так ничего от глупой бабы и не добился. Мрачный сидел он в петербургской своей квартире, отославши слуг. После всего, что случилось, он уж не мог возвратиться в имение. Оставаться здесь также не хотелось. По Петербургу ползли зловещие слухи про барина, убившего на дуэли собственную жену. Отчего-то к слову «барин» неотстанно прилепились «ревнивец» и «Отелло», что бесило Онегина. Чем угодно, а уж ревнивцем и тем более Отелло он не был. «Самая судьба велит мне ехать на Кавказ, – рассудил Евгений. – Кровь врагов отечества смоем кровь тех, кого я любил. С рук моих».

Реализовал ли оставшийся герой, Онегин, потенциал свой? И снова вынужден я отвечать отрицательно. Напротив, он его не только не реализовал, но и не растратил, и даже на протяжении всего времени только умножал. И вот только теперь, скача на Кавказ, потенциал этот начинает, наконец, действовать. Но с сего момента я чувствую себя не вправе решать судьбу великого пушкинского героя и вверяю ее перу его великого продолжателя, Михаила Юрьевича Лермонтова. Имя же, вытекшее из великой северной реки нашей Онеги, с гордостью понесет подруга ее и могучая соседка, Печора, где и окончат оно бранные дни свои, передав бремя вечной славы.

Часть вторая

Кавказ

Ко мне он кинулся на грудь.

М. Лермонтов

Ну, насчет Печоры с Онегой – это было с моей стороны чересчур напыщенно. Хотелось чего-нибудь эдакого написать – или даже эдакого. Но если серьезно предположить, что Онегин превратился в Печорина, то есть что Лермонтов просто взял героя у своего предшественника Пушкина и приспособил под свои нужды, тогда вот что получается. Сразу, во-первых, скажу, что фраза «Возвращаясь из Персии, умер» мне уже на школьной скамье совершенно не понравилась. Чего это он вдруг умер? От дуэли? Но если бы так, то Лермонтов, естественно, описал бы эту дуэль с красочными подробностями, потому что сам был страстный дуэлянт. Значит, дуэль отпадает. Разбойники? Но Печорин ведь был фаталист, так что разбойники ему были нипочем. Болезнь какая? Навряд ли. Слишком крепок и здоров был для этого Печорин, бывший Онегин. Несчастливая любовь? Но у Печорина все любви таковыми были, и ничего, не умер. Значит, как говорил Шерлок Холмс, отбросив все невозможное, остаемся с самым невероятным. Печорин вовсе не умер, а это только Лермонтов сказал, что умер. Все и поверили. Что же тогда с ним случилось?

Тут самое время применить дедуктивный метод, о котором ни Лермонтов, ни тем более Пушкин, конечно же, понятия не имели, а если б имели, то, очевидно, зашифровали или, пользуясь современным выражением, закриптовали бы свои сюжеты гораздо более сложным ключом. Стоит только как следует проанализировать ситуацию, возникшую в романе Лермонтова, и всё станет ясно. Вот едет он, Печорин, из Персии. Возвращается оттуда. А если возвращается, значит, до этого там был. Стало быть, вот нам точка отправления для нашего рассуждения. Печорин был в Персии. В Персии – шахи, окружившие себя прекрасными женщинами. Печорин, как светский человек, очевидно, принят при дворе. Шахи вначале, естественно, его хорошо приняли. Они всех гостей хорошо принимают, потому что соблюдают старинные законы гостеприимства. Тем более что Печорин – и не будем забывать, что это бывший Онегин, «ученый малый, но педант» то есть, – в высшей степени неординарная и интересная личность. Он был благородным и гордым человеком, не чета окружавшим шахов людям с восточным менталитетом, которые своим подобострастием и лизосапогством их уже достали. Печорин, естественно, ни перед кем шапку не ломал.

Подозрительный читатель может пробормотать: «А верно ли, что Печорин – продолжатель Онегина?» А вы как думали? Конечно же да! Хотя бы потому, что Печора, сибирская река, – продолжение Онеги и вытекает, откуда та втекает. Ведь по-настоящему такой фамилии – Печорин – нет, значит, Лермонтов дал всем понять, что его Печорин вытек из Онегина. А во-вторых, характер – тот же, добавить к этому, что Лермонтов ни от кого не скрывал, что восхищается Пушкиным и считает его своим учителем – вспомним стихотворение «На смерть поэта», а ведь Лермонтов умер почти так же! – значит, считал себя преемником Пушкина. Но не будем останавливаться на том, что всем очевидно, а пойдем дальше.

Итак, благодаря логическим выводам мы пришли к тому, что Печорин гостил у одного из персидских шахов. Уточним (хотя в данном случае это совершенно не важно), что это был не шах, а падишах, поскольку дело было в Персии, и мы даже могли бы, зная, в котором примерно году там гостил Печорин, легко определить имя этого правителя, коим вполне

мог быть и сам Фетх-Али-Баба-Хан, хотя нам это совершенно ни к чему. Так вот, очевидно, что благодаря своим исключительным личным данным Печорин сразу же завоевал расположение шаха (будем его впредь для краткости именовать шахом, хотя и запомним, что он падишах) Фетха-Али-Бабы-Хана. Печорин держал себя с Фетхом-Али-Бабой-Ханом независимо и, поскольку прекрасно умел «с ученым видом знатока хранить молчанье» – кое, как известно, золото, а золото шахи любят, – так вот, поэтому шах Фетх-Али-Баба-Хан считал его весьма умным и интересным собеседником. Особенно импонировало Фетху-Али-Бабе-Хану то, что гость, не споря с ним и не перечая высокому правителю, имел вид человека, прекрасно знающего, о чем говорит, – то есть, опять-таки, знатока. А это, несомненно, удавалось Печорину, и притом весьма легко, если мы вспомним, что у него был настоящий талант «без принужденья коснуться до всего слегка», а также «возбуждать улыбку дам...», – но о дамах позже.

Так вот, весьма расположенный к Печорину, шах Фетх-Али-Баба-Хан был рад показать ему свой дворец, похвастаться замечательными конюшнями, а также обширной библиотекой, в которой наверняка были и русские книги, и даже, быть может, сочинения Александра Пушкина и Михаила Лермонтова. Но Чехова с Достоевским там не было, и поэтому Фетх-Али-Баба-Хан многого, конечно, не знал. Печорин рассеянно осмотрел дворец, скользнув скужающим взглядом по коням и корешкам книг, зевнул на выложенный сапфирами и изумрудами фонтан, и тогда Фетх-Али-Баба-Хан, естественным образом, повел его в свой гарем. Здесь герой наш оживился, да и можно ли было не оживиться? Все чувства разом всколыхнулись в груди его, едва переступил он порог этого гарема. Но Печорин виду не подал, и ни по лицу его, ни по глазам Фетху-Али-Бабе-Хану не удалось угадать чувства своего гостя, потому что воспитанные вредным севером представители высшего света не сверкают глазами при одном лишь виде дамы. Печорину же, как мы помним из книги Лермонтова, нужно было утешиться и отдохнуть после утомительного и, в общем, малоприятного романа с княжной Мери.

Это у Печорина был хитрый ход такой. Если ему что-нибудь очень нравилось или чувства его всколыхивали всю его душу, он виду не подавал, а лишь зевал, глядя на кончик своего сапога. Это, конечно же, не он сам придумал, а Лермонтов, да и тот не придумал, а взял у Пушкина. Вот и в гареме Печорин не подал вида. Он и на евнухов, и на дам зевнул так же, как на коней и на книги, и Фетх-Али-Баба-Хан, еще не достаточно постигший загадочную русскую душу, решил, что его новый приятель – возвышенный философ, наподобие Сократа, и совершенно не охоч до женского пола. О, как же ошибался Фетх-Али-Баба-Хан! Едва он оставил гостя одного в отделенных ему обширных и богато убранных покоях, как Печорин для начала совершил свой туалет, на который ушло не менее трех часов, потом вышел из него «подобный ветреной Венере» и, так как уже стемнело, притворно зевая, направился в гарем.

Но прочитавший Пушкина Лермонтов, в отличие от своего предшественника, использовал образ «ветреной Венеры» не в переносном, а в буквальном смысле. Его герой возил этот костюм в дорожном чемодане вместе с другими вещами, которые могли пригодиться для его выходов. Применим дедукцию. Куда бы Печорин двинулся, выйдя из покоев своих в коридор? Конечно же в гарем!

Видавшие виды стражники, расставленные через каждый метр с алебардами наголо (некоторые из них были вообще евнухами), никак не отреагировали на гордо продефилировавшую в сторону гарема богиню Венеру. Конечно же, это был Печорин в костюме Венеры! Отворив перед, как они думали, женщиной хрустальные двери гарема, евнухи пропустили туда Печорина. В этот час гарем представлял собой несколько иной вид, чем когда они вместе с шахом Фетхом-Али-Бабой-Ханом наносили туда визит несколько часов назад. Ведь тогда обитательницы гарема были предупреждены, что придет чужой мужчина, и навели на себя самый скромный вид, чтобы не рассердить ревнивого мужа. То был обеденный час, и Печорин был угощен на славу!

А сейчас был час вечернего купания. На росших здесь сакурах, подаренных Фетху-Али-Бабе-Хану императором Японии, цвели тысячи белых цветков. Многие лепестки опали на мраморный пол, и по ним ступали роскошнохвостые павлины. На ветвях сакур пели китайские соловьи. В середине гарема была длинная и очень широкая купальня, устроенная на манер римских бань. На мраморных берегах купальни томно полулежали прекрасные жены шаха Фетха-Али-Бабы-Хана. Многочисленные фонтаны, видимые глазу и скрытые, били своими свежими струями вверх, и, разбиваясь на капли, эти струи орошали обнаженные колени прекрасных женщин. Все без исключения они были прекрасны! Увидев эту купальню, Григорий в первую минуту прикрыл глаза ладонью – так делают ослепленные ярким светом. Какой тут только красоты не было! Зеленоглазая ирландская принцесса с огненно-рыжими волосами, окутывающими ее белые, цвета слоновой кости бедра. Розовотелая баронесса Сильвершёлд из Швеции с желтыми пшеничными волосами и яркими, как сапфиры, синими глазами. Смуглая татарская княжна – ее линии так же стремительны, как бросок ветра, как скок дикого гнедого жеребца! Абиссинская принцесса Бенафакта, правнучатая племянница арапа Петра Великого, похожая на прекрасную бронзовую статую критской богини Карос. Русская графиня Башкова – Печорин сразу же узнал ее, потому что не раз встречал эту блестящую женщину на балах в Петербурге, правда, несколько в ином виде. Он краем уха слышал грустную историю графини, проданной за долги ее отца, графа Башкова, в гарем турецкого падишаха-халифа Абдула-Хамида Первого, по прозвищу Накшидил-султан, но, по-видимому, впоследствии перепроданную или проигранную в шахматы шаху Фетху-Али-Бабе-Хану. Эти и многие другие, пока не знакомые ему графини, баронессы, княгини, принцессы и даже царевны блистали своей невиданной (кроме Фетха-Али-Бабы-Хана) красотой на Печорина, не подозревая, конечно, что он не Венера.

Они практически не обращали на него внимания, спокойно совершая при помощи многочисленных (и тоже очень красивых, хотя и несколько более простою красотой) прислужниц обычный купальный ритуал, а наиболее активные плавали в бассейне, составлявшем середину купальни, играли в догонялки, брызгались друг на друга водой, визжали и, хватая друг друга за волосы, старались утопить в благоухающей сакуровыми и розовыми лепестками нежной, прохладной воде.

Когда первый миг ослепления прошел и глаза его немного привыкли к сверкающей красоте (насколько это было вообще возможно даже для такого великосветского льва и повесы, каким был он), Печорин решил действовать. Он выбрал шведскую баронессу, прекрасное лицо, да и все тело которой было наиболее осенено какой-то мечтательной, романтической, что ли, грустью. Баронесса казалась наиболее незащищенной, а именно на таких женщин, как мы знаем из произведения Михаила Юрьевича, был в наибольшей степени падок Печорин. Вернее всего было действовать по принципу, придуманному Пушкиным: «Чем меньше женщину мы любим, тем мы ее вернее губим».

Но стоп, стоп! Остановимся на минутку и рассудим здраво. Как можно соблазнить женщину в купальне гарема, под неусытным... тьфу, то есть неусыпным оком пусть и евнухов, но вооруженных до зубов же?! Тут на помощь должна прийти вся изобретательность Пушкина и Лермонтова, вместе взятых. Исходя из многократно прочитанных и с детства нам знакомых произведений этих гениальных поэтов должно было произойти вот что.

В купальню неожиданно вошел конь. Это был гнедой конь, жеребец, дивной арабской породы, поистине царское животное, высокое, сильное и стройное, достойное носить на себе Александра Македонского. В первое мгновение Печорин и правда был поражен сходством скакуна с Буцефалом, и ему показалось, что сам призрак великого коня пришел с того света. Конь вошел в купальню и принялся там преспокойно мыться, словно это было для него обычным делом. Никто из евнухов и купающихся дам бровью не повел. Печорин припомнил, что читал нечто подобное в жизнеописаниях турецких гаремов, опубликованных неким мещанином Зай-

киным, внуком деревенского дьячка. В гаремах действительно бывает вот такой конь, который пользуется своим правом мытья в любое удобное ему время.

Не моргнув глазом, Григорий Печорин начал действовать. Он подсел к мокрой колонне зеленого мрамора, на которую облокотилась своей прекрасною спиною шведская баронесса. Печорин заговорил по-французски, а я для удобства переведу:

– Мадам, что может быть лучше свободы и любви?

Одной этой фразы хватило, чтобы баронесса мгновенно оценила ситуацию. Она сразу же поняла, что перед ней переодетый мужчина.

– Лучше смерть, чем бездействие, – с жаром, но внешне спокойно, лишь немного покраснев всем телом, ответила она по-французски, сверкнув на Печорина прекрасными, полными нерастроченной любви глазами.

Баронесса знаком подозвала девушку и что-то приказала. Та взяла с собою еще одну прислужницу, и обе обнаженные девушки спустилась по мраморной винтовой лестнице в помещение, расположенное под купальней. Там находилась огромная турецкая печь для подогрева воды, а также две специальные серебряные емкости с маслами и ароматными травами, и еще одна каменная емкость с кипящей водой, которая, смешиваясь с травами и маслами и проходя по медным трубам, выпускала в разных местах в полу гаремной залы насыщенный сладостными ароматами пар. Девушки открыли вентиль, и целый водопад кипятка бурлящим потоком устремился в трубы. Из бесчисленных щелей в мраморном полу купальни забил ароматический пар, мгновенно наполнив собою всё помещение купальни и вообще всего гарема, так что абсолютно ничего не стало видно в этом крошечном пару. «На помощь!», «Aidez moi!», «Help me!» – разноязычно закричали женщины, и, хотя им ничто не угрожало, евнухи бросились помогать. Молниеносно подхватив прекрасную баронессу, Печорин вскочил на Буцефала, и, так как это был самый быстрый конь во всей империи Фетха-Али-Бабы-Хана, никто не смог их догнать.

Если бы Лермонтов писал эти строки... куда поскакал бы Печорин в костюме Венеры с обнаженной баронессою на руках? Денег у него не было (в костюме Венеры не было карманов, и он их оставил в номере), связей в этой стране, языка коей он не знал, тоже. Очевидно, Михаил Юрьевич направил бы копыта скакуна к ливанский границе, где его герой мог бы укрыться со своею возлюбленной среди неприступных скал средиземноморского побережья, в одной из его бесчисленных пещер. То есть пещер. Так он и поступил.

Ах, не буду описывать этот горячий дождь, этот жаркий ливень любви, обрушившийся на голову Печорина и баронессы Сильвершёлд, которые провели в дивном гроте на пустынном берегу Средиземного моря среди ливанский скал два счастливых дня! Одежды у них, не считая костюма Венеры, не было, еды тоже, и даже воды. Они упивались любовью, сила которой питала их целых двое суток! Печорин мог бы стать богатейшим бароном, миллионером, владельцем замков, лесов, полей и шведских фиордов. Но он был слишком горд для этого. Жаркой глухой ночью, когда переполненная сладостным счастьем баронесса спала, разметавшись своими прекрасными руками, ногами и волосами на поросшем мягким рыжим мхом полу грота, Печорин, облачась в костюм Венеры, собрался совершить небольшую прогулку по скалам. Он хотел разыскать немного съедобных яиц или птенцов, завалившихся в каком-нибудь гнезде. Тут он заметил контрабандистов. В темноте набросившись на них, он сбросил нескольких в воду, а у остальных отнял оружие, золотые монеты и обмундирование русских офицеров, захваченное турками, и украденное потом персами, и затем попавшее в руки ливанский контрабандистов. Когда бедные ливанцы, стоя под дулами пистолетов Печорина, упрекнули его в жестоком обращении с ними и в том, что он, ограбив их, не оставляет им и их бедным семьям средств к существованию, Печорин, повинувшись минутному порыву, вызванному в нем жалостию к честным беднякам, кивнул им на пещеру. «Шах Фетх-Али-Баба-Хан даст

вам пятьсот тысяч золотых драхминов, если вы доставите ему то, что найдете в этой пещере», – усмехнулся он, затем вскочил в лодку контрабандистов и погреб, правя на турецкий берег.

Теперь Печорин возвращался из Персии, где, вопреки утверждению Михаила Юрьевича Лермонтова, вовсе не умер, а даже неплохо провел время. Контрабандисты и правда были щедро одарены Фетхом-Али-Бабой-Ханом. Он подарил каждому по дорожному пистолету, серебряному кинжалу и алебарде с рубиновым набалдашником на рукоятке, одел в богато расшитые шаровары, подпоясанные бисерным поясом, и, сделав евнухами, принял в охрану своего гарема. А прекрасная баронесса Сильвершёлд, которой бывшие контрабандисты, по указанию Печорина, рассказали, что ее возлюбленный геройски погиб, защищая ее честь в неравном бою, и, будучи изрублен на куски, нашел пристанище своим бранным останкам в бушующих бурунах, – баронесса была безмерно счастлива, что пережила столь прекрасные мгновения в своей жизни, и не переставала воздавать Богу спасибо за сладостные секунды.

И теперь, после той подлости, которую совершил Печорин по отношению к шведской баронессе, герою нашего времени уже ничего не стоило сотворить то, что он сотворил вначале с Бэлой, а затем с княжной Мери.

Из-за бескомпромиссности царской цензуры, наотрез отказавшейся пропустить в печать эту важную главу «Героя нашего времени» и сославшейся при этом на сложные политические отношения, образовавшиеся у двора Николая Первого со двором шаха Фетха-Али-Бабы-Хана, Михаилу Юрьевичу Лермонтову пришлось эти всё объясняющие страницы сжечь и заменить одной короткою фразой: «Возвращаясь из Персии, умерь». Вследствие вышесказанного характер и мотивы Григория Ивановича Печорина остались «за кадром», и это придало его личности загадочный ореол непостижимости, отчего читатели до сих пор недоумевают, а многие поколения литературных критиков спорят, что побуждало его совершать те поступки, которые он совершал на дошедших до нас страницах романа.

Классики

Вечером я вышел в Кингстоне на набережную. Темза катила свои волны. Впрочем, это были совсем маленькие волны. Темза ведь здесь неширокая, и ветра совсем нет. Лебеди качались на волнах, но очень незаметно, ведь волн почти не было. Проходили гуляющие. Ко мне на лавочку подсел Лев Толстой.

– Я очень рад, что вы подсели, – сказал я. – Я как раз читаю ваш роман «Воскресение».

– Во-первых, здравствуйте, – сказал Толстой.

– Да-да, конечно, простите меня, – сказал я. – Я забыл поздороваться. Здравствуйтесь.

– Здравствуйтесь, – поздоровался он в ответ и сдержанно поклонился. Я неловко поклонился, сидя к нему боком, как мог.

С другой стороны подсел Даниил Иванович Хармс.

– Кто это сидит по правую руку от вас? – покосился он.

– Ах это? Это Лев Николаевич Толстой. Вы его не узнали?

– Как же, узнал. Я вас хотел проверить.

– Спасибо, – ответил я. – Я как раз читаю ваш рассказ. Забыл, как называется.

– Очень приятно, – ответил Хармс. – Я люблю, когда читают мои рассказы.

Мимо нас проходили две девушки, на них были очень короткие юбки. Хармс заинтересовался ими, а Лев Николаевич Толстой стал мне излагать свои соображения насчет тяжелого положения женщины. Я рассеянно слушал. Вечер был дивный. Глаз радовали деревья, растущие на другом берегу, лошади, которые паслись за рекой, девушки в мини-юбках на велосипедах и Хэмптон-Кортский дворец. Между его кирпичных труб садился солнечный закат.

– Мне нравятся эти девушки, – сказал Даниил Хармс. – Я бы с удовольствием познакомился с ними.

– Положение женщины тяжело, – сказал с другой стороны Лев Толстой. – Вот вы тут сидите в праздности, на лавочке. Вы обеспечены всем необходимым. Вы живете в роскоши. Вы получаете шестьсот фунтов в час? Только подумайте! Шестьсот фунтов стерлингов. Это же сорок девять тысяч рублей серебром! Женщины живут тяжело. Большинство их заняты непосильным трудом. Мужчины соблазняют их: хитростью, деньгами, нахальством. Вином. Силой, наконец. Да чем угодно – лишь бы соблазнить. Женщинам это не приносит никакой радости. Они рожают. Непосильно работают, кормя ребенка.

– Что это за прямоугольничек вон у той женщины? – спросил Хармс, указывая на милую женщину в очень коротком мини-платье декольте, с открытой спиной и плечами, с широким круглым вырезом на животе. – Что она держит в руках?

– Это смартфон, – сказал я. – Она делает селфи.

– Можно я вам помогу? – попросил Даниил Хармс, подходя к женщине.

– Она не понимает по-русски, – заметил я, и Хармс перешел на английский, которым он прекрасно владел.

Толстой излагал мне свои взгляды. Женщина показывала Хармсу, как фотографировать смартфоном. Ей понравился его клетчатый френч, из кармана которого торчала курительная трубка, и она попросила сделать селфи вместе с ним, а потом поставила на фейсбук. Женщину звали Мюриель, она была урожденная француженка, вышедшая замуж за англичанина и переехавшая к нему в Лондон. Ее муж постоянно ездил в Париж, рассказала нам она. Он там работал. Вскоре семейная жизнь перестала меня устраивать, и мы развелись. Стенли переехал в Париж, а я осталась в Лондоне. Я влюбилась в этот город.

– Как вы можете любить этот ужасный город?! – перебил Лев Толстой. У него было прекрасное английское произношение, и француженка приняла его за англичанина. – Как вы можете любить Лондон, когда здесь постоянно ужасный туман и дождь, холод и пронизываю-

щий ветер, река распространяет зловоние, лица людей изможденные и покрыты сажой, они падают от непосильной работы, даже усталые птицы падают на лету? В раковинах отдельные краны!

– Я влюбилась в Лондон с первого дня. Как только вышла из вокзала Сент-Панкрас, куда я приехала на «Евростаре».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.